

Николай Ткаченко

**Гюлистан. Тайна
бронзового всадника**

«Автор»

2026

Ткаченко Н. А.

Гюлистан. Тайна бронзового всадника / Н. А. Ткаченко —
«Автор», 2026

«Тень седла» — это область абсолютного мрака. Попав в неё, человек перестает принадлежать себе: тело остается послушной куклой посреди ордынского лагеря, а душа навсегда занимает место позади призрачного всадника. Студент-историк Алексей провалился в эту бездну вместе с профессором Воронцовым и Леной, потревожив древний артефакт на раскопках столицы Золотой орды — Гюлистана. Теперь он — Хасан, чужой элемент, разорванный шов на ткани реальности XIV века. Их проводница Айгерим объясняет правила этой смертельной игры: чтобы обмануть кипчаков, нужно выглядеть как они, но запах могильного ила выдает Хасана с головой. Старый вождь Ногай уже чувствует гниль в его душе, сжимая плечо прямо над выжженным клеймом. Но настоящий ужас приходит не со стороны людей. Когда солнце падает за горизонт, пространство рассекает серебряная стрела. Из сумерек является тот, кто охраняет границы миров. Карауль-Омар лишен собственного имени, а взамен получил бронзу, пьющую тепло живых.

© Ткаченко Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Ткаченко

Гюлистан. Тайна бронзового всадника

Глава 1

Все события вымышлены, совпадения с реальными именами или событиями случайны

Июль в волгоградской степи не дышал — он давил. Раскоп Гюлистана, второй столицы Золотой Орды, представлял собой идеальный квадрат выжженной земли, вывернутый наизнанку ковшами экскаваторов и теперь методично поедаемый совками студентов-археологов.

Алексей смахнул со лба едкий пот, оставив на лице серую маску из пыли и солнцезащитного крема. Зубы скрипели песком даже во рту. Четвертый курс обещал практику где-нибудь в Фанагории, под ласковым бризом Тамани, но деканат решил иначе: две тысячи километров к югу, плюс сорок два в тени, суслики-переносчики чумы и профессор Воронцов.

— Стратиграфию видите, Лешенька? — голос Евгения Викторовича раздался прямо над ухом. Профессор Воронцов передвигался по раскопу бесшумно, как стервятник. — Или ваши глаза залиты исключительно юношеским максимализмом?

Воронцов ткнул сухим пальцем в разрез грунта. Алексей наклонился ниже, пряча раздражение. Он видел слои. Темный гумус современности, рыжеватая насыпь XIX века, а глубже — плотная, почти черная глина ордынского времени. Идеальный пирог. Только вот сегодня утром этот «пирог» преподнес им сюрприз.

Они вышли на жилую застройку. Не привычные ямы землянок, а полноценные сырцовые стены высотой в человеческий рост. Дома стояли так плотно, что между ними едва протискивалась лопата. Город умер мгновенно — сожженный дотла войсками Тамерлана в конце XIV века, он просто осел сам в себя, законсервировавшись без доступа кислорода.

— Смотри, — Елена опустила на колени рядом с ним, сметая кисточкой пыль с фрагмента бирюзовой плитки. Ее светлые волосы были убраны под бандану, но несколько влажных прядей прилипли к шее. — Глазурь сохранилась. Это же персидский импорт. Мы сидим на золотом дне, Леша. На настоящем Клондайке для диссера.

Лена всегда говорила о науке с почти физическим вожделением. Для нее черепок XIII века был интереснее любого живого человека. Алексея это должно было раздражать, но вместо этого он завороченно смотрел, как двигаются ее скулы, когда она щурится от солнца. Три года безнадежной симпатии сделали его отличным диагностом ее настроений: сейчас она была счастлива.

К полудню они вскрыли целую улицу. А потом наткнулись на него. Дворец хана Узбека. Узнали его по фундаменту — циклопические плиты привозного известняка, которые ордынские ханы использовали только для резиденций.

Профессор Воронцов изменился в лице. Его обычная желчная спесь сменилась лихорадочным, охотничьим блеском. Он приказал расширить шурф вдвое и замолчал до самого вечера, лишь хищно поглядывая на темнеющий провал входа.

Когда солнце начало плавить горизонт, воздух дрогнул. Поднялся ветер. Сначала легкий, он за полчаса набрал силу песчаной бури. Небо цвета старой стали затянуло ржавчиной.

— Палатки на распорки! Документы в герметичные пакеты! — орал аспирант Дима, единственный, кто пытался сохранить порядок.

Алексей нырнул в тамбур своей палатки. Внутри пахло раскаленным нейлоном и пылью. Буря билась по ткани с такой силой, что алюминиевые дуги вибрировали, готовясь сложиться

внутри. И вдруг наступила тишина. Абсолютная, звенящая в ушах. Ни ветра, ни криков. Будто кто-то нажал кнопку беззвучного режима на пульте управления миром.

Тишину разорвал звук. Металлический, сухой щелчок. Как будто сломали сухую ветку. Но здесь, в голой степи, не было деревьев.

Алексей выскочил наружу. Песок еще висел в воздухе, оседая. Лагерь выглядел декорацией к фильму-катастрофе: сорванные тенты, перевернутое ведро с карбидом, разбросанные листы планшетов.

Он пошел к раскопу. Тревога скрутила желудок ледяным узлом. Вход в подвальную часть двorca зиял черной дырой.

Лена уже была там. Она стояла на краю, сжимая в руках планшет, и светила вниз мощным диодным фонарем.

— Евгений Викторович, вы здесь? — крикнула она в темноту. Эхо вернулось искаженным, многослойным, словно отвечало сразу десять голосов.

Никто не отозвался.

Алексей подошел ближе. От черного провала тянуло холодом, совершенно невозможным в этом пекле. Холодом глубокого погребка или свежевырытой могилы.

— Он спустился туда перед самой бурей, — тихо сказала Лена, не оборачиваясь. — Сказал, проверит перекрытие свода. Я думала, он вышел с другой стороны...

— Свети, — бросил Алексей.

Он начал спускаться по деревянной лестнице, которую они поставили еще вчера. Древесина дрожала под ногами. На третьей снизу ступени Алексей замер.

На дереве, вплавленные в поры, блестели крошечные капли металла. Он коснулся одной пальцем. Мягкая, тягучая. Золото. Чистое золото, расплавленное чудовищной температурой. Но пожар исключался — дерево внизу не обуглилось, оно было просто ледяным.

Достигнув дна, Алексей посветил фонарем. Просторный подземный зал. И пустота. Ни Воронцова, ни инструментов. Только грудка свежей земли у дальней стены, которой утром там не было. И странный аромат гниющих цветов.

— Леша, поднимайся сюда. Быстро, — голос Елены сверху звучал странно, высоко и ломко.

Она встретила его наверху с побелевшим лицом. В руке она держала предмет размером с пачку сигарет, завернутый в грязную мешковину.

— Выплюнуло взрывной волной, — пояснила она, хотя никакого взрыва не было. — Из этой кучи земли.

Она развернула ткань. Это была фигурка всадника на коне. Бронза, покрытая патиной веков, но абсолютно целая. Работа поражала деталями: виднелись даже заклепки на седле и чешуйки кольчуги на груди лошади. Всадник сидел в странной позе — слишком прямой, его левая рука лежала на холке коня, а правая была вытянута вперед, словно указывая на горло невидимого врага.

Но главным была надпись. На крупе коня, глубоко врезанная в металл арабская вязь.

Елена достала из кармана джинсов портативный ультрафиолетовый фонарик. В мертвенном синем свете буквы вспыхнули, казавшись написанными жидким серебром.

— «Мир тебе, Омар», — прочитала она по слогам. — «Да не оставит тебя тень моего седла».

— Кто такой Омар? — хрипло спросил Алексей. Горло пересохло окончательно.

— Понятия не имею. В хрониках упоминаются только имена ханов и их визирей. Никаких Омаров нет. И сталь седла... посмотри на гравировку. Это не золотоордынский орнамент. Это кипчакские руны, причем домонгольские. Предмету лет семьсот, а то и больше. Он древнее самого города. Зачем хану Узбеку держать в личной сокровищнице чужую реликвию?

Алексей взял фигурку. И мир моргнул.

Запах гниющих цветов ударил в нос огненным копьем. Рев тысяч глоток заполнил голову. Земля ушла из-под ног.

Он стоял не в раскопе. Он стоял на гребне крепостной стены. Внизу, в долине, горел город. Настоящий Гюлистан, живой, кричащий. Небо было черным от стрел и жирного дыма. Воздух резонировал от удара сотен барабанов.

Рядом с ним, тяжело дыша, стоял человек в кожаном панцире. Лицо мужчины, заросшее жесткой бородой, было Алексею незнакомо, но руки знали тяжесть его ятагана.

— Они прорвались через Северные ворота, господин, — прохрипел мужчина, глядя слезящимися глазами на зарево. — Резня началась. Нам нужно уходить в цитадель. Хан ждет.

— Нет, — услышал Алексей собственный голос. Голос был низким, властным, привыкшим отдавать приказы, которым подчиняются без раздумий. — Цитадель падет к рассвету. Мы уведем их в пески. Зажигай сигнальные костры на курганах. Пусть думают, что мы бежим к Волге.

Видение схлопнулось так же резко, как и началось.

Алексей обнаружил, что сидит на корточках в раскопе, упираясь руками в сухую глину. Сердце билось где-то в горле, пытаясь пробить ребра. Во рту стоял вкус крови и полыни. Правая кисть ныла тупой болью.

Елена присела перед ним на корточки. Она смотрела не на него, а на его руку.

— Ты сам себя порезал? — спросила она.

Алексей разжал пальцы правой руки. На ладони лежала бронзовая фигурка всадника. Указательный палец был рассечен до кости. Кровь густыми каплями падала на бронзу.

Но самое страшное было не в порезе. Прямо посреди лагеря, метрах в десяти от края раскопа, на идеально ровном, утрамбованном песке отпечатался свежий след лошадиного копыта. Глубокий, четкий, наполненный черной тенью, хотя солнце уже садилось и теней быть не могло. След вел точно от того места, где очнулся Алексей, к палатке профессора Воронцова.

Из расстегнутого входа в палатку профессора тонкой струйкой выползала сизая, остро пахнущая дымом гарь. Та самая, что чудилась ему минуту назад на крепостной стене.

Буря стихла. Над степью повис тяжелый, багровый закат. И в этой абсолютной тишине откуда-то из-под земли, из глубины раскопа, донесся одинокий, протяжный металлический звон. словно кто-то внутри дворцовой сокровищницы медленно провел пальцем по лезвию гигантского меча.

Звон металла не прекратился. Он вибрировал в зубах, резонировал с костями черепа, превращаясь из звука в физическую пытку. Алексей зажал уши руками, но это не помогло — звон исходил изнутри его собственной головы.

— Леша, смотри на меня! — Елена схватила его за плечи и сильно встряхнула. Ее пальцы впились в мышцы так, что боль перекрыла фантомный гул мечей. — Что это? Какой-то подземный газ? Или что-то другое?

Алексей оттолкнул ее руку и бросился к палатке Воронцова. Горло драло от запаха горелого войлока и чего-то еще — сладковатого, тошнотворного аромата жженой плоти, который никак не мог здесь появиться.

Палатка профессора встретила их звенящей пустотой. Внутри было абсолютно чисто. Ни разбросанных карт, ни термоса с остывшим кофе, ни самого Воронцова. Только на складном алюминиевом стуле лежала стопка одежды: штаны, выцветшая энцефалитка, исподнее. Ботинки стояли ровно по линеечке у входа. А на спальном мешке, застегнутом до самой шеи, темнело идеально круглое пятно копоты размером с человеческую грудную клетку. Ткань прогорела насквозь, обнажив желтый синтепон, но сам спальник даже не тлел.

Елена включила диктофон на телефоне, методично обходя периметр.

— Палатка номер четыре. Одежда сложена без признаков спешки. На полу следы только наших кроссовок. Температура внутри... — она замерла, поднеся телефон к лицу. — Леш, дисплей показывает минус десять градусов. На улице плюс тридцать пять.

Она посветила фонариком вверх. Купол палатки был покрыт тонким слоем инея. Не росы, а именно кристаллического инея, какой бывает зимой на стеклах старых изб.

— Он ушел, — глухо сказал Алексей. Язык едва ворочался во рту, пересохшем от пыли и внезапного озноба. — Как те монголы на стенах цитадели. Снял все металлическое, потому что железо притягивает молнию. Или взгляд.

— Какой еще взгляд? Очнись! — Елена развернула его к себе, заставляя смотреть прямо в глаза. — У нас тут пропал руководитель экспедиции. Это уголовка. Нужно вызывать полицию из города через спутниковый терминал Димы.

— Спутник не пробьет эту пыль, — Алексей мотнул головой в сторону лагеря. — И Диму ты не дозовешься.

Они вышли наружу. Лагерь изменился. Психологический триллер начал оборачиваться физическим кошмаром.

Их просторный раскоп площадью в сто квадратных метров превратился в тесный каменный мешок. Стены сырцовый кладки XIV века, которые они аккуратно расчищали три дня, сомкнулись. Грунт просел неравномерно, создав лабиринт из узких щелей высотой в полметра. Профессорская штабная палатка теперь стояла вплотную к древней выгребной яме, которой утром там не было. Кухонный тент оказался наполовину поглощен землей — брезент бугрился, натянутый над невидимым провалом, словно кожа на барабане.

Но страшнее всего была геометрия. Прямые линии капроновых растяжек провисли параболой. Солнечные панели, дававшие лагерю свет, висели перпендикулярно друг другу, нарушая законы Евклидовой геометрии. Пространство скручивалось спиралью вокруг центра раскопа.

— Мы не можем идти туда, — прошептала Елена. Она указывала на черную дыру входа во дворец. Из нее больше не тянуло холодом. Оттуда веяло сухим жаром, как из жерла печи, и тяжелым запахом гниющих роз.

Аспирант Дима сидел на перевернутом ящике с инструментами метрах в тридцати от них. Он раскачивался взад-вперед, обхватив голову руками. Когда он поднял лицо, Алексей похолодел. Лицо Димы было серым, землистым, но глаза... зрачки парня расширились настолько, что радужка превратилась в тонкое рыжее кольцо.

— Они поменяли замки, — невнятно произнес Дима. Его голос звучал так, будто рот был набит ватой. — Южные ворота теперь ведут в колодец. Омар запер север. Солнце садится в землю. Нельзя ходить по теням, тени стали тяжелыми...

Дима вдруг вскинул руку и указал пальцем на Елену. Его рука дрожала крупной дрожью, палец ходил ходуном.

— Ты пахнешь библиотекой. Книжным клеем. Ты чужая. Омар велит тебе уйти. Оставь коня хозяину.

Он резко дернулся, зацепил ногой ящик, упал лицом вниз и остался лежать неподвижно. Алексей подбежал к нему. Пульс на сонной артерии бил часто-часто, как у перепуганного зайца, но тело аспиранта было твердым, окоченевшим, словно тот пролежал в морозилке несколько часов.

— Тепловой удар с галлюцинациями, — Елена опустилась на колени с другой стороны, пытаясь нащупать вену для инъекции из походной аптечки. — Плюс отравление продуктами горения. Здесь явно есть утечка какого-то газа из разлома. Нам нужно вытащить его на открытое место и надеть кислородные маски.

— Здесь нет никакого газа, Лена, — Алексей посмотрел на свои руки. Кровь из пореза на пальце давно запеклась черной коркой, хотя ранение было свежим. — Посмотри на него.

Это не химия. Это то же самое, что случилось со мной у стены. Дима увидел город. И ему там не понравилось.

Внезапно земля мелко завибрировала. Звук шел снизу — низкий, утробный гул скачущей тяжелой конницы, хотя единственная дорога осталась в десяти километрах позади.

Гул нарастал, переходя в ритмичный перестук. Туд-тум. Туд-тум. Ровный, тяжелый, гипнотический ритм. Так бьет военный барабан. Или так пульсирует кровь в ушах при критическом скачке давления.

Из черного зева подземного дворца показалась фигура.

Это был Воронцов.

Он выполз на четвереньках. Его дорогая энцефалитка свисала ключьями, обнажая спину. Но кожи на спине не было. Там, переливаясь в лучах садящегося солнца, россыпью тусклого золота проступили монеты. Золотые динары хана Джанибека проросли сквозь мышечную ткань и ребра, слившись с позвоночником в единый панцирь. Профессор не истекал кровью — края золотых пластин были идеально гладкими, прижженными.

Воронцов поднял голову. Его лицо представляло собой маску из спекшейся земли и крови, но глаза... глазницы были пусты. Вместо белков и зрачков в них клубилась та самая черная глина, которую они извлекли сегодня утром из нижнего слоя.

— Вы нашли ключ, — проскрежетал он голосом, в котором не осталось ничего человеческого. Скрежет перемежался тихим позвякиванием монет при каждом движении челюстей. — Зачем вы тронули замок? Теперь стража голодна.

Он медленно, с противным хрустом суставов выпрямился во весь рост. Ростом он стал выше почти на голову — золото продолжало распираť его грудную клетку изнутри.

Елена истошно закричала. Это был звук абсолютного, животного ужаса рационального человека, столкнувшегося с невозможным. Она начала пятиться, спотыкаясь о колышки палаток.

Воронцов сделал шаг к ней. Земля под его ногами крошилась, оставляя глубокие воронки.

И тогда фигурка всадника в кармане Алексея стала невыносимо горячей. Бронза обожгла бедро сквозь плотную джинсу. Алексей рефлексивно выхватил ее. Всадник сиял ровным оранжевым светом. Руны на боку коня пылали, выжигая сетчатку.

Алексей сжал фигурку в кулаке, выставив ее вперед, как распятие перед вампиром из дешевых фильмов.

— Стоять! — крикнул он, удивляясь властности собственного голоса. Тот самый тембр, которым он минуту назад отдавал приказы защитникам несуществующей крепости. — Назад, смотритель!

Воронцов остановился. Наклоненная набок голова с золотыми глазами повернулась к Алексею. Монеты на его лице сложились в гримасу крайнего изумления.

— Хасан? — выдохнул профессор облако праха. — Ты вернулся за своим седлом? Но ведь тебя засыпали вместе с воротами...

Земля снова дрогнула. Ритм барабанов сменился тяжелым, влажным чавканьем. Черная жижа, которую видел Алексей в видении, начала сочиться из-под фундамента ханского дворца. Она не текла ручьем — она выдавливалась из грунта, как зубная паста из тюбика, заполняя щели между новыми стенами раскопанного города. Густая, маслянистая, пахнущая тысячелетней смертью и старым вином.

Жижа коснулась ботинка стоящего столбом Димы. Тело аспиранта беззвучно осыпалось горсткой сухой пыли. Остались только кости, которые мгновенно покрылись зеленоватой медянкой.

— Бегите вдоль моей тени! — приказал Алексей. Он не понимал, откуда берутся слова, но чувствовал, что если остановится и начнет анализировать — захлебнется в этой жиже вместе

с остальным лагерем. — Елена, ко мне! Держись за мою правую руку и не отпускай, что бы ты ни увидела!

Он схватил Лену за запястье. Девушка дрожала всем телом, не в силах отвести взгляда от золотой грудной клетки Воронцова.

— Леша, у него сердце снаружи, — прохрипела она. — Это физически невозможно.

— Забудь физику, — бросил Алексей, чувствуя, как ледяные пальцы Елены сжимают его ладонь мертвой хваткой. — Беги. Просто беги.

Они сорвались с места. Под ногами хлюпала древняя грязь. Пространство искривленного лагеря вытягивалось в кишку. Алексей бежал, держа перед собой раскаленную бронзовую фигурку. И там, где падала искаженная вечерним солнцем тень Алексея, земля оставалась сухой. Твердый суглинок древнего Гюлистана сопротивлялся черной жиже.

Позади раздался оглушительный треск. Фундамент ханского дворца рухнул. Из провала, разрывая остатки брезента и алюминия, полезла гигантская, многотонная масса почерневшего дерева и бронзы — ворота цитадели, которых никогда не было на этом месте. Ворота плыли по черной жиже, отрезая им путь к степи.

Впереди, метрах в пятидесяти, маячила спасительная полоса нетронутой целины. Настоящая, живая степь двадцать первого века.

Алексей обернулся на бегу, чтобы проверить расстояние. И совершил ошибку. Он посмотрел прямо в золотые глазницы Воронцова.

Мир сузился до точки. Барабанный бой стих. Исчез запах гари, исчезла тяжесть воздуха, исчезла рука Елены в его ладони.

Чернота накрыла его мягким бархатным крылом.

Глава 2

Грудь горела, в горле перекачивались колючки сухой травы. Алексей закашлялся и открыл глаза.

Свод палатки номер два — их с Леной рабочего кабинета — раскачивался в такт его пульсу. Обычный брезентовый купол, прошитый белыми нитками. Никакого инея. Никаких золотых монет, растущих из человеческих тел. За тонкой стенкой завывала степь, но это был обычный ветер, а не рев погребального барабана.

Он лежал на спальнике. Голова покоилась на скатанном валике из запасной флисовой куртки. Рядом пахло антисептиком и чем-то до боли домашним — заваривающимся дешевым пакетированным чаем.

Елена сидела напротив на ящике из-под тушенки. В руках она сжимала металлическую крышку от термоса, заменявшую кружку. Ее руки дрожали так сильно, что чай выплескивался через край, оставляя темные пятна на ее джинсах. Она этого не замечала. Лицо у нее было серым, под глазами залегли глубокие тени, а губы превратились в две бескровные нити.

— Пей, — хрипло сказала она, протягивая ему крышку. — Это просто кипяток с сахаром. Нужно поднять уровень глюкозы. И дыши. Четыре секунды вдох, шесть выдох.

Алексей сел, игнорируя головокружение. Он взял горячую крышку, обжигая пальцы, и сделал глоток. Сахар ударил по языку, возвращая вкус реальности.

— Сколько я отсутствовал? — голос звучал чужим, надтреснутым.

— Две минуты. Может, три. Ты посмотрел на него, побелел как стена и начал падать. Я успела схватить тебя за лямку рюкзака и волоком затащить сюда, пока эта... субстанция не доползла до наших ног. — Елена кивнула куда-то в сторону выхода. — Оно остановилось прямо перед пологом. Просто уперлось, как в стекло. Но уходить не собирается. Барабаны все еще слышны, если прислушаться.

Алексей прислушался. Да. Под свист ветра была подложена едва уловимая, низкочастотная вибрация. Туд-тум. Туд-тум.

Он обхватил голову руками. Логика, единственное, чему он доверял после смерти родителей, рассыпалась в прах.

— Лена, скажи мне правду, — он поднял на нее воспаленные глаза. — Я сошел с ума? Это острая шизофрения? Реактивный психоз? Мы нашли какую-то дрянь, надышались спорами плесени или миазмами из могильника, и теперь мой мозг генерирует эти картинки, чтобы защититься? Золотые монеты вместо легких... Господи, да это же классический синдром Котара. Или нас накрыло коллективным отравлением?

Елена медленно поставила свою крышку на ящик. Звук удара тонкого металла о дерево прозвучал в тишине палатки как выстрел. Она посмотрела на Алексея тем самым взглядом, которым смотрела на битую керамику — взглядом холодного, безжалостного аналитика.

— Было бы отлично, Леша, — тихо произнесла она. — Если бы мы сейчас блевали желчью где-нибудь в районной больнице под капельницей с физраствором, я бы молилась на этот диагноз. Но нет. Мы в своем уме. К сожалению.

Она порылась в кармане штормовки и выложила на спальник предмет, завернутый в стерильный бинт. Развернула ткань. Бронзовый всадник тускло блеснул в свете диодной лампы. Руны на боку коня больше не светились, фигурка была холодной, мертвой.

— Смотри, — Елена взяла медицинский пинцет. — Физика процесса. Когда ты отключился, я осталась снаружи лишние десять секунд. Меня начало затягивать сонливостью, липким страхом. Классические симптомы гипоксии или отравления тетрадоксином. Но смотри сюда.

Она повернула фигурку основанием к Алексею. На днище статуэтки, скрытое патиной, виделось идеально круглое отверстие диаметром около сантиметра. Внутри отверстия блестел свежий скол металла.

— Я ударила его углом своего мультитула, когда тащила тебя, — объяснила Елена. — Посмотри на стружку.

Алексей наклонился ближе. Бронзовая пыль на бинте имела странный, иссиня-черный оттенок. Он осторожно коснулся частицы пальцем. Частица прилипла к коже, словно железная крошка к магниту, хотя бронза магнитными свойствами не обладает.

— Я проверила компас, пока ты был в отключке, — продолжила Лена, ее голос стал жестче, цепляясь за факты, как за спасательный круг. — Стрелка вращается вокруг этой статуэтки против часовой стрелки. Полный оборот за двенадцать секунд. Магнитное поле Земли в радиусе трех метров от палатки искажено на сорок процентов. Мой телефон ищет сеть. Он видит вышки. Три палочки LTE. Уровень сигнала идеальный. Но модуль передачи данных выдает ошибку протокола. Пакеты уходят в никуда. Время на системных часах застыло на отметке 18:42. Мои наручные механические часы идут назад. Минутная стрелка движется против оси.

Она перевела дух.

— Это не галлюцинация, Леша. Галлюцинации не плавят асфальт и не проразивают золото сквозь человеческие ребра. Галлюцинации не заставляют время течь вспять. Это физика. Другая физика. Геометрия пространства изменилась. Мы заперты в аномалии.

Алексей смотрел на бронзового всадника. Страх внезапно отступил, сменившись звенящей пустотой профессионального любопытства. Археолог внутри него всегда хотел препарировать историю. Теперь истории предстояло препарировать его самого.

— Хорошо, — он потер лицо ладонями, пытаясь согнать морок. — Давай исключим невозможное, как учили на семинарах по источниковедению. Версия первая: военный полигон. Скрытый военный объект. Они тестируют инфразвуковые излучатели или какой-нибудь нейтрогаз. Отсюда вибрации, иллюзии, остановка сердца Димы от резонанса и золотые импланты профессора...

— Отпадает, — отрезала Лена. — Инфразвук не заставит траву расти горизонтально. Пока я ждала тебя у входа, куст полыни прополз мимо моей ноги на полметра. Живой куст, Леша. У него были корни. А золотой панцирь Воронцова рос в реальном времени. Биология не умеет так быстро перестраивать остеогенез. Это годы терапии рака, сжатые в секунды.

— Версия вторая: геологический разлом, — не сдавался Алексей. — Выделение радона, локальное изменение гравитации, пьезоэлектрический эффект пластов кварца сводит нас с ума, а туман над раскопом — это какая-то тяжелая фракция углеводородов...

— Радон не говорит голосом твоего отца, — перебила она. — Вспомни свой ступор. Что он тебе сказал перед тем, как ты выронил фонарь?

Алексей сглотнул. Он никому не рассказывал о том дне на похоронах. О том, как стоял у гроба и вдруг услышал сзади тихое: «Леш, придержи стремя».

— «Ты забыл затянуть подпругу», — беззвучно прошептал он. — Так говорил дед. Но мой дед умер, когда мне было восемь. И он никогда не ездил верхом.

Елена мрачно кивнула.

— Вот именно. Это не химия. Химия дает цветные пятна и тошноту. Это персонализация страха. Газ не знает биографию твоей семьи. Значит, остается третья версия. Самая паршивая.

Она взяла статуэтку в руки. Держала ее бережно, как гранату с выдернутой чекой.

— Версия третья, историческая. Омар — это не имя. Это должность. Карауль-Омар. Хранитель врат. Мы читали хроники невнимательно. Гюлистан стоял не просто на перекрестке караванных путей. Он стоял на тектоническом стыке. Итильские булгары называли такие места «тамга зем» — запечатанная земля. Древние города строили там, где мир истончается. Не для

торговли. Для охраны. Этот город — замок на двери. А хан Узбек собрал коллекцию ключей. Всадник — один из них.

— Замок от чего? — глухо спросил Алексей.

— Понятия не имею. Но профессор нашел способ проверить ключ в скважине. Видел, во что превратился Дима? Сухая мумифицированная органика. Полная аннигиляция влаги. А Воронцов... он не мертв. То, что ходит там, снаружи, использует кости профессора как арматуру. Оно носит его лицо, потому что последнее, что видели наши глаза — был Воронцов. Оно адаптируется под наш контекст.

Полог палатки дрогнул. По брезенту снаружи царапнуло нечто твердое. Шкrrрт. Шкrrрт. Оба замерли. Звук напоминал гвоздь, которым водят по стеклу, но с металлическим, золотым отзвуком.

— Оно изучает шов, — прошептала Елена. Она бесшумно потянулась к своему рюкзаку и достала штангенциркуль. Сунула холодный металлический зажим в руку Алексея. — Если оно просунет палец, сожми изо всех сил. Металл должен среагировать на чистое золото.

Шкrrрт. Шкrrрт. Нечто настойчиво ковыряло узел шнуровки на входе.

— Леша, — Лена смотрела ему прямо в глаза, ее зрачки наконец перестали быть огромными, превратившись в острые точки концентрации. — Собирай мозги. Мне плевать, демоны это, инопланетяне или сбой матрицы. Нам нужна рабочая гипотеза выживания. Почему оно взяло Диму и Воронцова, но не тронуло нас сразу? Почему черная жижа остановилась перед пологом? И самое главное — что означает надпись? «Да не оставит тебя тень моего седла». Какое слово здесь ключевое? Тень? Седло? Омар?

Алексей сжал холодную сталь штангенциркуля. Ритм барабанов снаружи изменился. Теперь они били не мерно и тяжело, а часто-часто, переходя в тревожную дробь. Словно погоня. Словно кто-то гнал стадо быков прямо на их маленькую парусиновую крепость.

— Ключевое слово — «мой», — ответил Алексей, чувствуя, как ледяной пот стекает вдоль позвоночника. — Тень моего седла. Лена, статуэтка греется.

Бронзовый всадник в руках Елены начал пульсировать нарастающим жаром. Руны вспыхнули, осветив тесное пространство палатки болезненным оранжевым светом.

Снаружи раздалось низкое, вибрирующее ржание. И звук этот был совсем близко. Буквально в десяти сантиметрах от их лиц, по ту сторону тонкого слоя брезента.

Ржание оборвалось так же внезапно, как и началось. Воздух в палатке на мгновение стал густым, тяжелым, а затем с сухим треском разорвался.

Полог входа откинулся внутрь не от порыва ветра. Его просто отбросили рукой.

На пороге стоял профессор Воронцов.

Алексей инстинктивно вскинул штангенциркуль, выставив его вперед жалом. Елена тихо зашипела сквозь зубы, сжимая бронзового всадника до побелевших костяшек.

Но вошедший был абсолютно цел. На нем была та же выпцветшая энцефалитка, что и утром, — чистая, без единой прорехи. На лице профессора играла легкая, чуть виноватая улыбка человека, который случайно наступил вам на ногу в автобусе. Никаких золотых монет, прорастающих сквозь плоть. Никакой черной пустоты вместо глаз. Только сеточка лопнувших сосудов на белках от пыли и недосыпа.

— Сидите в духоте? — бодро спросил Воронцов, стряхивая с плеча невидимую пылинку. — А я решил проверить восточный шурф перед ужином. Напрасно вы панику подняли, молодежь. Дима просто перегрелся, я велел аспирантам оттащить его в тень к «Камазу» и влить два литра воды. Очухается. У меня такое было под Термезом в восемьдесят пятом — тепловой удар дает такие реалистичные галлюцинации, святых выноси.

Он прошел в центр палатки, бесцеремонно переступив через спальник Алексея. Профессор двигался уверенно, ступал твердо, оставляя на пыльном брезенте обычные следы рифле-

ных подошв. Ни одна доска пола не хрустнула под аномальным весом. От него пахло потом и сухой землей. Обычный запах археолога после тяжелого дня.

Елена медленно опустила руку со статуэткой, но прятать ее не стала. Алексей не шевельнулся, продолжая держать штангенциркуль наготове.

— Вы были там, — глухо сказал Алексей. — Во дворце. Под фундаментом. Я видел черную жижу.

Воронцов тяжело вздохнул, словно разговаривал с неразумными детьми, и присел на свой ящик. Сунул руку во внутренний карман куртки. Алексей напрягся, палец лег на фиксатор лезвия мультитула.

Профессор достал не оружие. Он высыпал на фанерный стол горсть желтого металла. Монеты тускло звякнули. Ровные круги золота, потертые по краям. Арабская вязь, профиль хана в высоком венце. Тридцать пять штук. Настоящий клад эпохи Джанибека.

— Вот всё ваше коллективное безумие, — усмехнулся Воронцов, любовно перебирая монеты узловатыми пальцами. — Прошел нижним горизонтом галереи. Плита перекрытия просела еще при Тамерлане, замаскировав спуск. Нашел закладку прямо под тронным местом. Целый казанок, судя по окислам меди на грунте, только растащили суслики за века. Тридцать пять динаров высокопробного червонного золота. Завтра вызовем полицию, составим опись, государству сдадим. Мне сенсация нужна, а не срок за мародерство. Ну, убедились? Золото холодное, тяжелое, вполне материальное. Никаких демонов. Просто старый город, который очень не хочет отдавать свои секреты.

Алексей смотрел то на монеты, то на спокойное лицо профессора. Логика трещала по швам. Если это газ или массовый психоз, почему он материален настолько, чтобы оставить тридцать пять физических объектов? И почему эти объекты выглядят совершенно обычными?

— Где Дима? — спросила Елена. Ее голос звучал ровно, но Алексей слышал скрытую в нем сталь. Она тоже искала несостыковки.

— Да у машины же говорю, — поморщился Воронцов. — Оклемается. Кстати, о секретах. Пока вы тут сидели в обнимку со своим страхом, я вспомнил одну вещь. Насчет вашего коня.

Он кивнул на бронзовую фигурку, которую Елена все еще держала в руках.

— Семидесятые годы. Ростовская область. Песчаный карьер. При прокладке трубопровода нашли точно такую же статуэтку. Всадник на коне, надпись «Мир тебе, Омар». Один в один. Артефакт передали в краеведческий музей Таганрога. Мой научный руководитель писал по ней курсовую. Я мальчишкой читал.

Воронцов протянул руку, требовательно щелкнув пальцами:

— Дайте-ка сюда. Сравню детали. Память уже не та.

Елена крепче сжала фигурку.

— Зачем? Это наш контекстный слой. Мы ее открыли.

— Леночка, не глупите, — тон профессора снова стал жестким, начальственным. — Это предмет материальной культуры. Ему место в фондах, а не в руках студентов. Давайте. Я посмотрю на клеймо мастера и верну.

— Вторая часть надписи, — вдруг тихо произнес Алексей. — Вы сказали, в музее хранится такая же фигурка. Но вы не сказали, какая на ней надпись.

Улыбка сползла с лица Воронцова. Он замер, глядя на Алексея снизу вверх. Взгляд профессора на секунду метнулся куда-то поверх плеча студента, в темный угол палатки, где свалена была бухта альпинистской веревки. Этого моргания хватило Елене, чтобы заметить: зрачки профессора не реагируют на свет диодной лампы. Они остаются расширенными, бархатно-черными, поглощающими свет целиком.

— Не помню дословно, — слишком быстро ответил Воронцов. — Кажется, там было только приветствие. Без продолжения. Какая разница? Это массовое производство. Типовой оберег для лучников.

— Нет, — Алексей покачал головой. Штангенциркуль в его руке начал мелко дрожать. — Массового производства таких вещей не бывает. Это штучная работа. Посмотрите на седельную суму. Видите этот дефект литья? Маленькая каверна возле пряжки.

Он взял фигурку из рук Елены (она отдала ее беспрекословно) и поднес к лицу профессора.

— Тот самый дефект. Тот же литейщик. Та же рука. Фигурки идентичны. Это матрица. Но если их две, значит, был и второй получатель. Второй страж. Надпись обращается к Омару. «Да не оставит тебя тень моего седла». Чьего седла, Евгений Викторович? Кто сидит в этом седле?

Воронцов молчал. Уголки его рта дрогнули, поползли вниз.

— Сорок пять лет копаю степь, а каждый сезон одно и то же, — вздохнул профессор, вытирая лоб рукавом. — Как только находят что-то сложнее черепка, у молодежи сразу начинается фольклорный психоз. Демоны, тени, черная жижа... Леша, ты бы свои зрачки видел. У тебя глаза во все орбиты вылезли. Классическая паническая атака наложилась на тепловой удар.

Елена стояла в углу палатки, прижимая к груди бронзового всадника. Она переводила взгляд с абсолютно нормального лица профессора на монеты, рассыпанные по столу. Физика реальности отказывалась сходиться: снаружи была аномалия, внутри — обычный кабинет полевой археологии.

Воронцов невесело усмехнулся, кивнув на горсть золота.

— Лена, милая моя, посмотрите на это золото. Это тридцать пятый год правления Узбека. Чекан Гюлистана. Монеты идеальные, потому что их положили в кожаный кошель и спрятали под половицу до того, как город сгорел. Никаких порталов. Просто тектонический сдвиг пластов в четырнадцатом веке. Плита упала, замуравив нижний ярус. Мы дышим спертой пылью четырехсотлетней выдержки плюс испарениями природного газа из разлома мергеля. Радон, метан, сероводород — чудесный коктейль для галлюцинаций. Вам показалось. Нам всем здесь *показалось*.

Он говорил так убедительно, так спокойно, что липкий ужас, сковывавший грудь Алексея, начал медленно отпускать. Профессор был живым опровержением кошмара. Самым весомым аргументом в пользу химии и геологии.

— Теперь о вашем коне, — Воронцов взял со стола фигурку, которую Елена положила рядом с собой при появлении профессора. Он повертел ее в руках, рассматривая клеймо на брюхе лошади через линзу налобного фонаря. Профессор протянул фигурку Алексею. — На той, музейной, второй части надписи нет. Скорее всего, брак формы при литье или дефект матрицы — конец фразы ушел в облой, который потом стесали. Бронза там паршивая, много свинца. А ваша — ювелирная работа. Видите этот синеватый отлив? Это мышьяк. Древние литейщики добавляли его, чтобы бронза лучше заполняла мелкие детали формы. Ваша фигурка — мастерская копия первой, сделанная специально для кого-то очень важного. Для личной охраны хана, если судить по позе всадника. Рука вытянута вперед — это жест приказа молчать. Знак тайной гвардии.

Алексей принял теплую бронзу. Его руки все еще мелко тряслись. Он смотрел на спокойное, покрытое щетиной лицо Воронцова и чувствовал себя сумасшедшим. Газ. Конечно же газ. Вот почему реальность плыла, вот откуда взялись барабаны — низкочастотная вибрация газового пузыря под давлением.

— Значит, они связаны, — выдохнул Алексей, возвращаясь к своей профессиональной привычке цепляться за факты. — Мастерская копия. Тот самый Омар из-под Ростова...

— Именно, — кивнул профессор. — Вероятно, личная гвардия хана состояла из наемников-кипчаков. Когда столицу переносили, гарнизон разделили. Одну роту отправили охранять новый дворец здесь, другую оставили прикрывать старые рубежи где-то в районе современного

Ростова-на-Дону. Одному дали правильную фигурку с полной надписью-печатью, второму — бракованную. Обычная бюрократия Золотой Орды.

Воронцов поднялся, хрустнув суставами.

— Ладно, экзорцизм на сегодня окончен. Сумерки скоро, нужно выставить охрану периметра от шакалов, пока золото здесь. Диму я сам проверю, когда дойду до машин. А вы двое — выпейте крепкого чая, умойтесь холодной водой и садитесь инвентаризировать контекст. Мне нужен точный план раскопа к утру. И ради бога, спрячьте эту чертову игрушку подальше, она на вас плохо влияет своим видом.

Профессор похлопал Алексея по плечу тяжелой ладонью и вышел из палатки, откинув полог. Снаружи тут же пахнуло вечерней прохладой. Барабанов больше не было слышно. Только обычный хор сверчков.

Ночь прошла относительно спокойно, если не считать головной боли и тошноты. Алексей сидел над планшетом, перерисовывая схему рухнувших сводов дворца. Рядом, закутавшись в спальник, дежурила Елена. Она настояла на том, чтобы разделить ночь пополам.

Бронзовый всадник лежал между ними на чистой тряпице. После слов профессора мистический ужас сменился холодным научным азартом. Если связь между двумя фигурками реальна, значит, это ключ к пониманию всей системы обороны Гюлистана.

— Леша, — нарушила тишину Елена около трех часов ночи. Голос у нее был странный, севший. — Посмотри на тень.

Алексей отвлекся от чертежа. Внутри палатки горела одна тусклая диодная лампа. От нее падала длинная, четкая тень Елены на брезентовую стену. Но справа от этой тени, чуть поодаль, плясала вторая. Она принадлежала человеку, сидящему в седле. Четко прорисованный силуэт верхового: развевающийся плащ, высокая пика, голова коня, прижатая к груди. Источника света, который мог бы создать такую тень, в палатке не было. Ни один предмет не стоял под нужным углом.

Тень всадника плавно качнулась, словно лошадь переступила с ноги на ногу, и двинулась вдоль стены вправо — прямо к голове спящего Алексея.

— Не двигайся, — одними губами прошептала Елена. Ее пальцы впились в рукав Алексея. — Оно не отбрасывает тени само. Оно крадет наши.

Всадник подошел вплотную. Силуэт наклонился, занес руку с чем-то длинным и острым.

Алексей замер, чувствуя, как леденеет затылок. Он хотел крикнуть, дернуться, включить свет, но тело парализовало первобытным страхом.

Клинок призрачной пики коснулся макушки Алексея. Раздался тихий звук, похожий на лопнувшую струну. Что-то невидимое, натянутое в воздухе палатки, оборвалось. Лампа над столом мигнула и погасла. Погасли экраны телефонов. Погас красный светодиод аккумулятора. Полная, абсолютная темнота поглотила палатку.

В этой темноте раздался отчетливый, металлический звон. Так звенит золотая монета, упавшая на камень. Затем еще одна. И еще. Словно кто-то методично пересыпал казну, монету за монетой, прямо у них над головой, в тесном пространстве между брезентом и звездным небом.

Глава 3

Темнота не рассеивалась — она просто сменила природу. Исчез душный, пахнущий потом и газом воздух палатки. Вместо него в легкие хлынул густой, горячий аромат: запах свежей верблюжьей шерсти, жарящегося на курдючном сале мяса, гниющих фруктов, конского навоза и сухой, растрескавшейся от солнца глины.

Алексей открыл глаза.

Он сидел на низком деревянном стуле. Его ступни по щиколотку утопали в прохладной, влажной серой жиже. Руки были покрыты ею до локтей. Пальцы ныли знакомой тупой болью — суставной болью человека, который целый день мнет неподатливый материал.

Глина.

Он посмотрел перед собой. Деревянный гончарный круг, сработанный грубо, но надежно. Ножная педаль стерта добела тысячами прикосновений. На круге вращался наполовину сформированный высокий кувшин с узким горлышком. Алексей — нет, уже не совсем Алексей — его руки сами знали, что делать. Большие пальцы уверенно давили на дно изнутри, расширяя полость, а указательные скользили по внешней стенке, вытягивая глину вверх плавным движением.

Паника пришла позже, когда мозг попытался осознать картинку.

Вместо брезента над головой был навес из выцветшего льна, подпертый кривыми жердями. Сквозь дыры в ткани били ослепительные столбы полуденного солнца, в которых танцевала золотая пыль. Прямо перед носом Алексея стояла деревянная миска с мутной водой для смачивания рук.

Он осторожно скосил глаза вниз. На нем была простая домотканая рубаша без ворота, заляпанная разводами охры, и широкие штаны, перевязанные у щиколоток кожаными ремешками. Босые ноги. Под ногтем большого пальца правой ноги намертво въелась черная каолиновая пыль.

Звук. Вот что ударило по ушам следующим. Это был не шелест степного ветра. Это был рев. Многотысячный, монотонный, вибрирующий гул огромного человеческого улья. Крики зазывал, скрип несмазанных деревянных колес арбы, пронзительный визг пилы где-то неподалеку и глухой, низкий рокот толпы, текущей по главной улице Гюлистана.

1350 год. Год правления Джанибека. Золотой век Орды.

— Эй, Хасан! Ты уснул или шайтана лепишь? — раздался над ухом сиплый голос. — Вода кончается. И если этот тандыр опять лопнет при обжиге, Везир вычтет стоимость дров из твоей доли, а не из моей.

Рядом стоял пожилой мужчина с лицом, похожим на печеное яблоко. Он ловко подкладывал сухие коровьи лепешки в топку земляной печи, встроенной прямо в стену их мастерской. Седая борода была покрыта белым налетом извести.

Алексей судорожно кивнул, стараясь не выдать ужаса. Имя «Хасан» легло на язык естественно, как родное. Мышечная память взяла свое. Правая рука сама потянулась к кувшину, снимая его с круга специальной нитью.

— Сейчас смочу, мастер Ильгам, — голос прозвучал хрипло, чужеродно даже для самого Алексея. — Солнце сегодня злое, глина сохнет быстро.

Он зачерпнул воду медной чашкой. Руки дрожали. Он смотрел на свои ладони — сильные, мозолистые, совершенно не похожие на руки студента-археолога. Под кожей предплечий перекачивались твердые узлы мышц.

Через час они погрузили сырые, подсохшие до состояния «кожи» сосуды на двухколесную тележку. Ильгам толкал ее сзади, покрикивая на зевак, а Алексей тянул спереди. Они

миновали ремесленный квартал Тин и выкатились на главную артерию города — улицу Караванов.

То, что профессор Воронцов называл «площадью руин», сейчас было сердцем мира.

Мостовая, выложенная обожженным кирпичом, уходила вдаль, насколько хватало глаз. По ней сплошным потоком двигались люди: суровые хорезмские купцы в высоких войлочных шапках, китайские монахи в оранжевых робах, русские пленники в колодках, блестящие на солнце латники личной гвардии хана в зеркалах. Над морем голов возвышались горбы двугорбых бактрианов. Воздух был настолько плотным от запахов пряностей и дыма, что его можно было резать ножом.

Ильгам остановил телегу возле рядов зеленщиков.

— Стой здесь, Хасан. Следи, чтобы никто не толкнул лоток. Я принесу ячменных лепешек. Если подойдет сборщик налогов, скажи, что мы от цеха мастера Везира, понял?

Как только старик скрылся в шумной толпе, Алексей позволил себе осмотреться по настоящему.

Его взгляд зацепился за мужчину, стоявшего неподвижно посреди бурлящей улицы, словно камень в реке. Высокий, облаченный в длинный черный халат, расшитый серебряными нитями. На голове — тюрбан цвета запекшейся крови. Но смотрели не на одежду. Смотрели на лицо. Оно было абсолютно бесстрастным, лишенным возраста, и казалось высеченным из темного дерева. Человек держал в руках поводья великолепного вороного коня. Животное перебирало копытами, фыркало, косило диким фиолетовым глазом, но всадник оставался недвижим.

Люди инстинктивно обходили его стороной, прижимаясь к прилавкам. Даже наглые уличные собаки поджимали хвосты и уползали в тени.

Всадник медленно повернул голову. Его взгляд встретился с взглядом Алексея. Расстояние в двадцать метров исчезло. Алексею показалось, что ему в грудь плеснули кипятком. Всадник знал его. Узнал сквозь века, сквозь маску гончара Хасана.

«Да не оставит тебя тень моего седла».

Сердце пропустило удар. Бронзовой фигурки в кармане больше не было — карманы штанов были пусты, там лежал лишь комок ссохшейся грязи. Но тяжесть вернулась. Она пульсировала прямо под ребрами, слева. Словно холодный металл пророс сквозь диафрагму.

— Очнулся, сын греха? — чья-то тяжелая ладонь опустилась Алексею на плечо.

Он вздрогнул, отрывая взгляд от всадника. Перед ним стоял стражник городской стражи — *букаул*. Широкоплечий татарин с редкими зубами и огромным тесаком-селебе на поясе.

— Чего уставился на Карауль-Омара? — *букаул* осклабился. — Хочешь, чтобы он забрал твою душу вместо налога? Плати пошлину за торговлю на мостовой. Два медных пула.

Алексей непослушными пальцами полез за пазуху, где висел кожаный мешочек с монетами. Настоящими дирхемами, которые звякали так успокаивающе реально.

— Я... я еще не начал торговать, уважаемый. Мы только привезли товар...

Букаул нахмурился. Его маленькие глазки впились в лицо Алексея. Взгляд стал тяжелым, оценивающим. Так мясник смотрит на барана, выбирая, куда ударить.

— Лицо мне твоё знакомо, гончар, — процедил стражник. — Ты ведь не из местных кварталов. У тебя выговор странный. Слишком чистый для того, кто месяцами возится в грязи.

Позади них раздалось тихое ржание. Теневая сторона улицы, где секунду назад было пусто, вдруг сгустилась, обретая объем и плотность. Конь Карауль-Омара шагнул вперед, выходя на солнечный свет. Серебряная вышивка на халате всадника вспыхнула опасным огнем.

Толпа на улице мгновенно схлынула, образуя широкий коридор. Купцы бросали свои товары. Кто-то упал на колени, закрывая голову руками.

Букаул побледнел. Вся его важность испарилась, остался только животный страх.

— Прости, господин, — стражник попятился, низко кланяясь. — Я обознался. Конечно, это не твой товар. Проходите, прошу вас...

Стражник растворился в толпе быстрее, чем капля воды в песке. Омар направил коня прямо к прилавку Алексея. Копыта беззвучно опускались на каменную мостовую, хотя звук должен был быть оглушительным.

Всадник остановился в трех шагах. От коня пахло холодом подземелья ханского дворца. Алексея качнуло. Мир вокруг смазлся, теряя четкость. Звуки рынка превратились в далекий морской прибой. Остался только силуэт верхового.

Рука Омара, затянута в тонкую кожу перчатки, медленно поднялась. Он протянул раскрытую ладонь к лицу Алексея. На ладони лежала бронзовая фигурка. Точная копия той, что осталась в палатке, но теперь она была размером с человеческое сердце и тускло светилась изнутри багровым светом.

— Твой долг ждет, Хасан, — произнес всадник. Голоса не было слышно, слова возникали прямо внутри черепа Алексея, разрывая барабанные перепонки. — Ты слишком долго прятался среди мертвых горшков. Время собирать кости.

Слова Омара не имели звука, но они обладали весом. Каждое слово «Твой долг ждет» вбивало Алексея в каменную мостовую глубже, чем сваю. Воздух вокруг всадника дрожал и плавился от невыносимого жара, хотя само лицо Карауль-Омара оставалось ледяным. Багровое сияние фигурки на его ладони пульсировало в такт биению сердца Алексея — или того, что билось теперь под ребрами гончара Хасана.

Всадник медленно разжал пальцы. Бронзовый конник упал ему на ладонь с глухим стуком, который показался Алексею пушечным выстрелом.

— Ты забыл вкус степной пыли, — прошелестело внутри черепа. — Но земля помнит твои шаги. Иди к воде. Она смоет чужую кожу.

Конь фыркнул, выпустив из ноздрей облачко пара, несмотря на удушающую жару улицы Караванов. Омар развернул животное одним движением колена, и через секунду черная фигура растворилась в пестрой толпе так же бесшумно, как и появилась. Словно ее никогда не было. Только запах конского пота и почерневший круг на каменной плите там, где стояли копыта, напоминали о встрече.

Алексей стоял, вцепившись побелевшими пальцами в край деревянного прилавка. Тележка с необоженными кувшинами стояла рядом, забытая. Мастер Ильгам все еще не вернулся с лепешками. Руки по локоть были покрыты серой грязью, но сейчас эта грязь казалась единственным якорем, удерживающим его сознание от полного распада.

Нужно двигаться. Нужно дышать. Вода. Всадник сказал идти к воде. В Гюлистане это означало только одно — Великий ров, опоясывающий дворец хана, или многочисленные хаузы (бассейны) в купеческом квартале.

Алексей бросил тележку посреди улицы. Он нырнул в людской поток, работая плечами. Его толкали, ругались на тюркском, фарси и ломаном русском, но он не чувствовал ударов. Внутри него бушевала буря. Лицо Елены стояло перед глазами — то самое лицо, которое осталось в палатке двадцать первого века, бледное от ужаса. Как она смогла остаться собой? Почему его выбросило сюда одного?

Он свернул с главной артерии города в узкий, извилистый переулок квартала Гончаров. Здесь пахло мочой, жареным луком и сушеным урюком. Дома из саманного кирпича нависали над головой, закрывая солнце, превращая улицу в полутоннель.

У поворота, прямо на солнцепеке, возле стены сидела девушка. Торговка бирюзой. На коленях у нее лежала простая деревянная доска, а на доске переливались горсти необработанных камней.

Алексей замер. Сердце, едва начавшее успокаиваться после встречи со всадником, заколотилось о ребра с такой силой, что заболели легкие.

Это была Елена.

И одновременно — нет.

Черты лица повторяли ее почти идеально: та же линия высоких скул, тот же упрямый подбородок, те же густые брови вразлет. Но кожа девушки имела оттенок старой бронзы, щедро тронутый загаром, а волосы, выбившиеся из-под шелкового платка-каре, были цвета воронова крыла, а не светлого льна. Одетая она была в приталенное платье-койлек из синего шелка, расшитое серебряной нитью, явно недешевое для простой торговли. На шее висело тяжелое монисто из серебряных монет.

Она подняла глаза. Алексей задохнулся. Это был ее взгляд. Тот самый скептический, умный, рентгеновский взгляд студентки истфака, которым она смотрела на профессора Воронцова, когда ловила его на ошибке в датировке. Никакого восточного покорного томления во взоре. Только холодная оценка ситуации.

Девушка скользнула взглядом по его заляпанной глиной рубашке, босым ногам и остановилась на лице. Уголок ее губ дернулся вверх в легкой усмешке.

— У тебя вид человека, которого только что сожрал ифрит и выплюнул обратно, потому что мясо оказалось слишком жестким, — произнесла она на чистом кипчакском диалекте. — Если ты ищешь воду, то колодец за углом пересох. А если ты хочешь купить моей бирюзы, чтобы подарить невесте, то сначала вытри сопли. Твои руки оставляют следы даже на воздухе.

Звук ее голоса окончательно сломал реальность. Это была мелодика речи Елены — быстрая, четкая, лишенная восточных певучести и цветистости.

Алексей сглотнул ком в горле. Язык ворочался тяжело, привыкнув к формальной книжной речи ханских писцов, которую он откуда-то знал.

— Я... я потерял свой товар, — выдавил он первое, что пришло в голову. — Меня чуть не растоптали стражники.

— Стражники никого просто так не топчут, — девушка подвинулась, освобождая место на циновке рядом с собой. — Садись, гончар. Тень от айвана хоть немного скрывает твой безумный вид. Меня зовут Айгерим. А тебя ноги принесли сюда работать или падать в обморок посреди дороги?

Имя тоже было другим, но смысл оставался прежним — «рожденная в седле», стремительная. Алексей опустил на горячую землю рядом с ней. Колени дрожали.

— Хасан, — прохрипел он свое новое имя. — Из мастерской мастера Везира.

— Знаю вашу мастерскую, — кивнула Айгерим. Ее пальцы профессионально перебирали камни, сортируя их по оттенкам. — Ваша синяя глазурь трескается на второй неделе. Неудивительно, что хозяин послал такого растеряху торговать в одиночку.

Она взяла один камень — крупный, глубокого небесного оттенка — и протянула Алексею.

— Держи. Самый чистый. Смотри сквозь него на небо.

Алексей машинально взял холодный камень. Посмотрел. Сквозь неровную призму мир исказился, стал глубоким, индиговым. Камень отрезал шум рынка, оставив лишь тихий звон в ушах.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы увидеть правду, — пожала плечами Айгерим. — Говорят, настоящая бирюза темнеет, если хозяина отравили. Или если рядом ходит смерть.

Она пристально посмотрела на свои руки, потом снова на Алексея.

— Твоя смерть сегодня прошла мимо, Хасан. Буквально в трех шагах. Конь Карауль-Омара наступил на твою тень. Я видела. Весь рынок видел, как ты остекленел. Обычно после взгляда Омара люди либо начинают выть и рвать на себе одежду, либо бросаются в канал. Ты почему-то остался стоять. Ты кто вообще такой?

Вопрос прозвучал без всякого перехода. Исчезла маска рыночной торговли. Перед Алексеем сидел следователь. Умный, опасный и абсолютно уверенный в своей безнаказанности.

— Я... я работаю с глиной, — повторил Алексей, чувствуя себя глупее некуда. — Я живу здесь.

— Лжешь, — Айгерим наклонилась ближе. Запах жасмина и пороха ударил в нос. — Гончары не говорят с таким выговором. Ты произносишь гортанные звуки мягко, как персидский поэт, но строишь фразы жестко, как русский наемник. Ты чужой. Очень чужой. Даже для Сарая.

Ее рука метнулась быстрее змеи. Пальцы схватили ворот рубахи Алексея и дернули вниз. Ткань затрещала, обнажая ключицу. Айгерим уставилась на его грудь. Вернее, на то место, где под кожей бешено пульсировал металл.

— Что это у тебя? — прошептала она. — Под сердцем. Оно горячее. Похоже на кусок железа, но железо не растет внутрь плоти. Это печать?

Алексей инстинктивно попытался закрыться рукой, но тело больше ему не подчинялось полностью. Мышечная память Хасана вступила в конфликт с разумом студента. Правая рука легла на рукоять воображаемого ножа на поясе.

— Это мое дело, женщина, — рыкнул он голосом, который не узнал.

Айгерим отшатнулась, но не испугалась. В ее глазах вспыхнуло пламя чистого научного интереса.

— Женщина? — она рассмеялась, откинув голову назад. Смех был резким, совсем не женственным. — Гончар, ты говоришь со мной так, будто я твоя служанка. На тебе одежда подмастерья, но осанка принца крови. Ты прячешь под кожей артефакт невероятной силы, а вместо рынка рабов пришел покупать хлеб у лотков. Кто ты, черт возьми, и зачем духи дорог привели тебя в мой город именно сегодня, когда хан Джанибек возвращается из похода и вся стража стоит на ушах?

Она замолчала, прислушиваясь. Издалека, со стороны Золотых ворот дворца, донесся тяжелый рокот боевых барабанов. Город встречал своего повелителя. Толпа в конце переулка заволновалась, сдавливая пространство.

— Мне нужно уходить, — Айгерим начала быстро собирать камни в кожаный кошель. — Дворцовая стража чистит трущобы перед проездом кортежа. Они заберут любого подозрительного. А человек, у которого под кожей живет бронзовый конь, выглядит очень подозрительно.

Она завязала мешочек, встала и оказалась на голову выше сидящего Алексея.

— Если хочешь выжить до заката, иди в Нижний город, к русским баням. Тамошний сброд не задает вопросов. И сними эту дурацкую рубаху, пока твое сердце не прожгло в ней дыру.

Она развернулась, собираясь слиться с толпой, которая уже текла плотной массой прочь от центра, освобождая дорогу процессии.

— Постой! — Алексей вскочил, хватая ее за запястье. Кожа девушки была горячей и сухой. — Тебя ведь зовут не Айгерим.

Торговка бирюзой обернулась. Солнечный луч пробился сквозь навесы, осветив ее лицо. Черты на мгновение поплыли, стали тоньше, светлее. Взгляд смягчился, потеряв профессиональную остроту, став просто усталым и родным.

— Здесь меня зовут так, — тихо сказала она. — Потому что мертвые не могут носить свои старые имена среди живых, Леша. Иначе их заберут обратно. Омар ищет нас обоих. Ему нужен ключ, а мы с тобой — половинки одного замка. Разорванного пополам.

Барабаны забили оглушительно близко. Земля дрогнула под копытами сотен коней гвардии. Толпа качнулась, увлекая девушку за собой. Ее пальцы выскользнули из руки Алексея.

— Бани! Русские бани! — крикнула она напоследок, прежде чем волна людей скрыла ее синее платье.

Глава 4

Алексей остался стоять один посреди пустеющего переулочка. Шум рынка стихал, сменяясь лязгом стали и тяжелым дыханием боевых жеребцов. Прямо на него несся авангард ордынского войска.

Он посмотрел на свою руку. Кулак был сжат так сильно, что ногти впились в ладонь. Между пальцев проступила кровь. Настоящая, алая. Но смешавшись с глиняной пылью на коже, она мгновенно высохла, превратившись в ту самую рыжую корку каолина, которой были покрыты руки гончара Хасана.

Барабаны стихли, но эхо их ударов еще долго перекатывалось в ушах Алексея, смешиваясь с гулом крови. Он позволил толпе нести себя прочь от центральных улиц. Поток людей — ремесленники, водоносы, нищие и рабы — устремлялся к Нижнему городу, туда, где кончался мрамор ханских дворцов и начиналась гниющая роскошь торгового порта на Ахтубе.

Айгерим исчезла. Растворилась в потоке синих, желтых и грязно-белых одежд, словно ее никогда не существовало. Но слова «мертвые не могут носить свои старые имена» гвоздем засели в сознании. Алексей посмотрел на свои руки. Мозоли гончара никуда не делись, но под слоем въевшейся грязи кожа была бледной. Хасан был лишь маской, проросшей поверх его собственного лица.

Район русских бань он нашел по запаху. Сначала пахло сыростью и тиной великой реки, потом — кислым духом мокрого дерева, а затем густым, целебным паром, который пробивался даже сквозь узкие щели заборов.

Это место называлось «Урус-Хамам». Низкие бревенчатые избы, вкопанные в землю по самые окна, стояли кривым рядом у самой воды. В отличие от строгих ордынских построек или персидских дворов Гюлистана, здесь царил пьяный хаос. Из открытых дверей валили клубы пара, слышались громкий смех, звон стаканов и звуки балалайки. Это был островок абсолютной свободы посреди жестко структурированной империи Узбека и Джанибека.

Алексей нырнул в ближайшую дверь. Полумрак сеней ударил в нос крепким запахом дегтя, квашеной капусты и мужского пота. Тусклый свет лился из маленького слюдяного оконца.

— С чем пожаловал, басурманин? — раздался хриплый голос откуда-то справа.

Из облака пара вынырнула огромная фигура. Человек был обнажен по пояс, если не считать широкого кожаного фартука. Его грудь и плечи покрывала синяя вязь татуировок — переплетенные змеи, кресты и какие-то рунические знаки. Бритая голова блестела от влаги, а седая борода лопатой придавала ему вид разгневанного лесного божества. Единственный глаз смотрел остро и оценивающе; второй скрывало бельмо.

— Веник березовый парить будет аль просто помыться зашел? — спросил одноглазый, опираясь на огромную деревянную лопату для чистки печи. — Плата вперед. Серебро или товар. Золото не беру, чеканка слишком приметная.

Алексей судорожно полез за пазуху. Мешочек с дирхемами, полученный от Ильгама, все еще был при нем. Он отсчитал несколько медных пулов.

— Мне нужна одежда, — выпалил он. — И чтобы меня никто не искал до завтрашнего утра.

Банщик (а кем еще мог быть этот гигант?) смерил взглядом заляпанную глиной рубаху Алексея. Его единственный глаз сощурился.

— Гончар, значит. По запаху чую. Только ты сегодня плохой товар лепишь, парень. Лицо у тебя белое, как недопеченный фарфор, а руки дрожат так, будто ты тигра голыми руками душил. Заходи, раз пришел. Баня всех уравнивает.

Он сгреб монеты волосатой лапой и кивнул на грудку тряпья в углу.

— Рубаха твоя годится только полы мыть. Бери вон ту, косоворотку. Штаны суконные тоже смени. Сапоги... сапоги оставь казенные, твои ноги такую грязь месили, что любая обувь развалится. Да мойся давай, пока ханская стража ворота не выставила. Сегодня день особый, они любят тут облавами пройтись.

Горячий пар окутал Алексея, выдавливая из легких остатки страха и миазмы Нижнего города. Он плеснул ковш кипятка на раскаленные камни. Шипение было оглушительным. Жар впился в кожу тысячей иголок.

Алексей взял тяжелый липовый веник, размочил его в кипятке и начал хлестать себя. Каждый удар отзывался болью в мышцах, о существовании которых студент-археолог даже не подозревал. Мышц Хасана. Руки двигались сами: крест-накрест, вдоль позвоночника, разгоняя кровь. Вместе с потом смывалась и психологическая надстройка четвертого курса. Страх перед неизвестностью отступал, уступая место первобытной ясности выживания.

Когда дышать стало совсем невмоготу, он вывалился в предбанник и рухнул на широкую дубовую лавку. На столе стоял жбан с холодным хлебным квасом. Алексей пил прямо из тяжелого деревянного ковша, чувствуя, как ледяная жидкость проваливается в горящий пищевод.

Дверь в мыльню скрипнула. Запахло дорогими благовониями — мускусом и розовым маслом, резко контрастирующими с общим духом заведения.

В проеме стояла женщина.

На мгновение Алексею показалось, что это снова Айгерим, решившая сменить шелк на лен. Но нет. Эта девушка была выше ростом, волосы ее были заплетены в тяжелую пшеничную косу, переброшенную через плечо, а глаза... глаза имели цвет чистого речного льда. Никаких следов восточной крови. Чистая, породистая славянская красота, которую невозможно подделывать.

Она была закутана в плотное льняное полотно, влажное от пара, которое подчеркивало каждый изгиб стройного тела. Девушка держала в руках серебряный ларец.

— Место занято, красавица, — буркнул одноглазый банщик из-за стойки, протирая кружку. — Этот угол куплен цехом болгарских кожевников. Тебе к половцам дальше по улице.

Девушка скользнула по лицу банщика пустым взглядом, словно смотрела сквозь стекло. Она проигнорировала его полностью. Ее внимание было приковано к Алексею.

Она шагнула внутрь, бесшумно ступая босыми ногами по мокрым доскам. Закрыла за собой тяжелую дубовую дверь. Щелкнул внутренний засов.

Теперь они остались вдвоем.

Алексей инстинктивно натянул грубую холстину до подбородка. Девушка подошла вплотную, нависая над ним. От нее пахло тем самым запахом, который исходил от коня Караль-Омара.

— Ты плохо спрятался, Хасан, — прошептала она. Голос звучал как перезвон хрустальных колокольчиков, но в нем не было тепла. — Омар рыскает по базару, ищет торговку бирюзой. А ты сидишь там, где ищут беглых рабов. Смело. Или глупо.

— Кто ты? — прохрипел Алексей. Горло саднило то ли от жара, то ли от долгого молчания на чужом языке.

— Меня зовут Лада, — она опустилась на колени рядом с лавкой. Ее движения были плавными, хищными. — Я служу той, кто старше этого города. Старше твоего страха.

Одной рукой она открыла серебряный ларец. Внутри лежали не мази и не украшения. Там покоились тонкие серебряные иглы и пучок сухой горькой травы.

Лада взяла одну иглу. Поднесла ее к солнечному лучу, пробивающемуся сквозь щель в ставнях. Металл вспыхнул синим огнем.

— Девчонка на рынке дала тебе хороший совет насчет сердца, — продолжила она, глядя, как расширяются зрачки Алексея. — Но она ошиблась в диагнозе. Дело не в том, что печать растет внутри плоти. Печаль в том, что она вытягивает наружу твою суть. Бронза пьет твою

память, мальчик. Еще два-три перехода между мирами, и от студента Алексея останется только пустой сосуд, который Хан-Узкоглазый заполнит своим песком.

Она наклонилась ниже. Холодный кончик иглы коснулся его ключицы, чуть выше того места, где пульсировал невидимый металл.

— Я могу вытащить это из тебя, — выдохнула Лада. — Выжечь корень. Будет больно. Очень больно. Ты станешь обычным гончаром. Забудешь университет, забудешь палатку, забудешь Лену. Будешь счастливо мочить глину до конца своих дней здесь, в этой дыре. Согласен?

Алексей замер. Предложение было чудовищным в своей простоте. Стереть личность ради спасения жизни. Вернуться в серость физического труда, лишь бы прекратить этот бесконечный кошмар.

Но прежде чем он успел ответить — да или нет — входная дверь бани содрогнулась от мощного удара снаружи.

— Открывай именем Хана! — прогремел властный голос, привыкший командовать сотнями воинов. — Облава! Проверка документов!

Банщик в предбаннике громко выругался, загрохотав скамьями.

Лада не вздрогнула. Она плавно, с грацией кошки, поднялась на ноги. Серебряная игла исчезла в складках ее влажной ткани.

— Они пришли не за тобой, гончар, — тихо сказала она, поворачиваясь к двери. — Они пришли за мной. Потому что я украла то, что принадлежит им.

Ее ледяные глаза сверкнули.

— Если хочешь жить, прыгай в окно. Вода глубокая, выплывешь. Если останешься — умрешь либо на копье нукера, либо в подвалах дворца. Выбирай быстро, Хасан. Стража уже выламывает петли.

Снаружи послышался треск древесины и лязг вынимаемых из ножен клинков.

Слова «выбирай быстро» ударили по ушам сильнее, чем боевой барабан. Лада уже скользнула к узкому волоковому окошку под самым потолком предбанника. Она не стала возиться с деревянным ставнем — ее ладонь просто впечаталась в доски. Раздался сухой треск, окошко рассыпалось черной пылью, открывая прямоугольник густых сумерек.

— Вода заберет бронзу, но вернет кости, — бросила она через плечо, прежде чем подтянуться на руках и исчезнуть в проеме.

Алексей понял смысл фразы мгновением позже. Тяжесть под ребрами — бронзовый всадник внутри него — вдруг отозвалась острой, режущей болью. Металл начал вибрировать, нагреваясь так сильно, что кожа над ним покраснела. Если стража схватит его сейчас, печать выдаст его с головой. От нее будет исходить сияние, видимое даже слепому.

Треск снаружи повторился, но теперь это был звук лопающегося бруса. Стража использовала таран. Дверь бани содрогнулась, готовая слететь с петель.

Не чувствуя жара обожженной кожи, Алексей вскочил. Грубое суконное полотно свалилось к ногам. Он остался нагим, перепачканным сажей и квасом. В три прыжка преодолев мыльную, он уперся руками в подоконник.

Улица встретила его запахом тины и холодным дыханием великой реки Ахтубы, впадавшей здесь в Волгу. До воды было метра четыре свободного падения прямо на гниющие сваи причала.

В дверях предбанника показался одноглазый банщик. Его лицо исказилось от ужаса:

— Куда?! Ханские псы меня без головы оставят!

Позади него замелькали стальные шлемы нукеров ханской гвардии. Их ламеллярные доспехи тускло блестели в свете факелов.

Алексей зажмурился и прыгнул вперед, вытянув руки.

Удар о воду вышиб дух. Это была не мягкая вода городского пруда; это был плотный, тяжелый поток, несущий в себе мелкую ледяную крошку и коряги. Холод сковал легкие желез-

ным обручем. Алексея потащило вниз, ко дну, усеянному острыми обломками разбитых лодок. Намокшая суконная одежда мгновенно превратилась в многопудовую гирию.

Он забил ногами, пытаясь всплыть. Легкие горели огнем. Темнота перед глазами начала сгущаться в знакомые черные клубы жижи из-под фундамента дворца. *«Да не оставит тебя тень моего седла»*, — прошептала бездна.

Нет. Алексей сжал зубы до хруста. Челюсти свело от холода, но разум студента-археолога пробился сквозь панику Хасана. Он перестал бороться с вертикалью. Позволил течению нести себя вдоль берега, работая одними кистями рук, чтобы отталкиваться от свай.

Боль под сердцем пульсировала адским метрономом. Бронза пыталась расплавить ребра изнутри. Но едва тело полностью погрузилось в мутную речную воду, пульсация начала стихать. Река глушила сигнал печати, растворяла его в своей массе. Под кожей оставался лишь тупой, холодный груз.

Его вынесло течением за пределы деревянного настила порта. Впереди замаячили заросли камыша. Алексей из последних сил рванулся туда, зацепился пальцами за скользкие корни аира и выполз на илистый берег чуть выше по течению.

Его вырвало водой вперемешку с желчью. Он лежал на животе, глотая воздух открытым ртом, как выброшенная на берег рыба. Голый, дрожащий, покрытый черным илом. Городская стена Гюлистана возвышалась позади темной громадой, освещенная редкими огнями сторожевых башен. Барабаны там все еще били, но теперь глухо и далеко — словно сердце умирающего зверя.

Когда судороги отступили, Алексей заставил себя сесть. Ночной ветер продувал мокрую одежду насквозь. Летняя ночь в степи оказалась коварной убийцей. Еще час такого ветра, и пневмония обеспечена.

Он ощупал грудь. Кожа была горячей, воспаленной, но рисунок вен больше не проступал синевой. Печать спала. Уснула вместе со страхом. Рядом, наполовину зарывшись в грязь, блеснуло что-то металлическое. Не бронза. Серебро.

Это была одна из игл Лады. Та самая, которой она собиралась «выжечь корень». Алексей поднял ее. Игла была тонкой, как вязальная спица, но увесистой.

Береговая линия Нижнего города представляла собой лабиринт из складов, загонов для скота и лачуг портовой голытьбы. Держась в тени заборов, Алексей двинулся прочь от центра. Запах рыбы и дегтя сменился сладковатым смрадом кожевенных мастерских.

Впереди, в щели между двумя амбарами, мелькнул теплый оранжевый свет. Слышалось мерное чавканье и тихое позвякивание цепей.

Алексей прокрался ближе. Это был заброшенный цех по выделке шкур. Крыша давно провалилась, остались только две стены и огромный дубовый чан посередине, наполненный какой-то густой бурдой для вымачивания кож. У чана сидел человек.

Огромный, широкоплечий, одетый в одни лишь холщовые порты. Спина его представляла собой карту старых побоев — исполосована ударами плетей так, что рубцы образовывали затейливый геометрический узор. Человек методично ворочал длинным шестом шкуры, погруженные в жидкость. При каждом движении цепи, которыми были скованы его ноги, тихо звенели.

Раб. Русский пленник.

Алексей-Хасан замер, прижавшись к бревенчатой стене. Пар от чана скрывал силуэт раба во влажном тумане. Гончар знал таких людей — молчаливых, страшных в своей покорности, способных убить голыми руками, если сорвать с них цепь.

Но выбора не было. Зубы начали выбивать дробь. Озноб переходил в лихорадку.

Алексей шагнул из тени прямо в круг света от костра, который раб развел рядом с чаном, чтобы греть воду.

— Салям, — хрипло сказал он, поднимая пустые руки. — Я не ханский пес.

Раб резко обернулся. В руке у него блеснул короткий нож для скобления мездры. Узнав в Алексее азиата (грязь и ил скрыли славянские черты лица), он оскалился, демонстрируя отсутствие нескольких зубов.

— Еще один ублюдок Джучидов пришел погреться? — прорычал он на чистом владимирском диалекте. — Проваливай, пока я тебе кишки этим ножом не выпустил. Места нет.

— Меня ищут стражники, — спокойно ответил Алексей, делая еще полшага вперед. Теперь их разделял только жаркий пар от вонючей воды. — Они думают, что я лазутчик болгар. Через десять минут перевернут каждый мешок в этом районе. А ты прикован. Тебе бежать некуда.

Раб моргнул. Логика ситуации дошла до его затуманенного тяжелым трудом разума. Он опустил нож, но перехватил шест покрепче.

— Что хочешь?

— Тепло, — честно ответил Алексей. — И тряпку. Утром уйду, слово даю.

Русский смерил его взглядом с головы до ног, задержавшись на странном покрое штанов и интеллигентных, несмотря на слой грязи, руках.

— Студент? — неожиданно спросил он. — Из тех грамотеев, что хан Джанибек выпишивает переписывать свои ярлыки?

— Почти, — усмехнулся Алексей, чувствуя, как сводит замерзшие губы.

Раб тяжело вздохнул, выпустив облако пара. Звякнул ключами, висевшими на поясе.

— Сюда иди, ученый. За чаном есть старый навес, там сквозняка меньше. Только учти: если твои «почти» друзья найдут тебя здесь, я скажу, что ты сам залез, а я тебя бил. Понял?

Алексей кивнул. Он прошел мимо огромного человека, стараясь не смотреть ему в глаза слишком дерзко, но и не опуская взгляд в землю — признак жертвы. Под старым навесом действительно оказалось сухо. Там валялась гора прелой соломы. Алексей рухнул в нее, закапываясь с головой, создавая подобие кокона. Солома пахла мышами и плесенью, но она держала тепло.

Сквозь желтую труху он видел сапоги русского раба. Тот постоял немного, глядя на незваного гостя, затем плюнул в сторону и вернулся к своему бесконечному вращению шеста в кроваво-красной воде чана.

Перед тем как провалиться в тяжелый, лихорадочный сон, Алексей нащупал в кармане серебряную иглу. Последней мыслью было осознание того, что Елена назвала бы этот день «полевой практикой высшей категории сложности», если бы дожила до утра.

Глава 5

Алексей проснулся от того, что кто-то методично тыкал его в ребра острой палкой.

Солнце стояло уже высоко. Лучи пробивались сквозь щели в гнилом навесе, превращая пыльный воздух в золотую взвесь. Рядом с его лежанкой сидел давешний русский раб. Только теперь цепи на его ногах были разомкнуты. В руках он держал грубо выструганную клюку, которой и будил Алексея.

— Поднимайся, грамотей, — буркнул великан. Голос у него был хриплым, словно горло драли рашпилем. — Скоро полдень. Смена караула на воротах закончится, стража станет ленивой. Самое время уходить из города.

Алексей сел, стряхивая с волос соломенную труху. Тело ломило так, будто вчера он не прыгал в реку, а падал со скалы. Лихорадка отступила, оставив после себя звенящую пустоту в голове и зверский голод.

— Как тебя зовут? — спросил Алексей, разминая затекшую шею.

— Здесь никак, — отрезал раб, протягивая ему кусок черствой лепешки и флягу с теплой, пахнувшей тиной водой. — Был Игнат. Теперь просто «эй, ты». Благодарить не надо, я это делаю не из доброты. Ханские ищейки перевернули кожаный ряд через час после того, как ты уснул. Если бы нашли тебя под моим навесом, мне бы кишки выпустили по частям. А я еще планы на весну имею.

Игнат поднялся во весь свой огромный рост. На нем была простая рубаха из грубого полотна, но двигался он с грацией матерого медведя — обманчиво тяжелой, но смертельно быстрой.

— Выход там, — он кивнул на пролом в задней стене сарая, заваленный битым камнем. — Перелезешь через свалку, попадешь к старым соляным ямам. Там никто не ходит, кроме шакалов. Держись левее высохшего дерева, оно похоже на руку мертвеца. Упадешь в яму — кричать бесполезно, я не услышу.

Алексей взял лепешку. Она была твердой, как камень, но вкус ржаной муки показался ему слаще любого меда Гюлистана.

— Почему ты помогаешь мне? Я же кипчак. Мы резали ваших под Коломной.

— Ты студент, — Игнат сплюнул тягучую слюну на земляной пол. — По глазам вижу. Вы все одинаковые: смотрите на мир, как на картинку в книге, пока вас мордой в грязь не ткнут. Сегодня мы оба — грязь. А грязью ханы брезгуют одинаково, будь ты хоть трижды золотым всадником. Проваливай.

Путь через городскую окраину напоминал блуждание по внутренностям мертвого животного. Запах соли, потрохов и выгребных ям стоял плотной стеной. Хасан (теперь он полностью принял это имя, потому что Алексею здесь было не выжить) следовал указаниям Игната. Он обогнул кладбище домашних животных, где над костями пировали облезлые вороны, и вышел к старой дамбе.

Там, прислонившись спиной к раскаленной глиняной насыпи, сидела Айгерим.

Она сменила дорогое синее платье на лохмотья нищенки. Лицо ее было перемазано сажей, волосы скрыты под убогим серым платком. Но осанка осталась прежней — прямой, как натянутая тетива. Перед ней стояла плетеная корзина, накрытая тряпичей. Из-под нее донолся жалобный скулеж.

Хасан замер за углом, разглядывая ее. Лада говорила правду: они действительно связаны. Серебряная игла нагрелась, подтверждая близость родственной души.

Он шагнул на открытое пространство. Камни скрипнули под ногой. Айгерим вскинула голову мгновенно, движение было слишком быстрым для уличной торговли. В руке у нее блеснуло лезвие короткого засапожного ножа.

— Опять ты, — выдохнула она, опуская оружие. — Тебя трудно потерять, гончар. От тебя пахнет речным духом и паникой. Где печать?

— Спит, — коротко ответил Хасан, подходя ближе. — Что в корзине?

Айгерим откинула край ткани. Внутри, свернувшись кольцом, лежала змея-щитомордник. Ее голова была аккуратно разможена тяжелым камнем, но тело все еще рефлекторно подергивалось.

— Оберег, — девушка криво улыбнулась. — Местные думают, что если носить убитую гадюку, настоящая не тронет. Логика уровня сарайской грязи, но работает. Куда идешь?

— За стену. Через северные ворота. Говорят, там меньше досматривают ручную кладь.

— Тебя ищут нукеры личной тысячи Джанибека, — Айгерим встала, закидывая корзину на плечо. Движение вызвало напряжение мышц на шее, и на долю секунды кожа девушки снова стала бледной, почти прозрачной, а волосы вспыхнули пшеничным золотом. Морок нищенки дал трещину. — Они перекрыли все заставы после вчерашнего переполоха в банях. Русского великана, кстати, забрали в зиндан. Решили, что он твой сообщник.

Хасан похолодел. Игнат спас его жизнь, а теперь заплатит за это переломанными ногами или клеймом на лбу.

— Нам нужно вытащить его.

— Идиот, — равнодушно бросила Айгерим. — Чтобы вытащить одного цепного медведя из ямы Джанибека, нужна армия. Или чудо. Чудеса стоят дороже. У тебя есть золото?

Она смотрела прямо на то место под его рубахой, где скрывалась печать. Хасан инстинктивно прикрыл грудь рукой.

— Бронза спит, говорю же.

— Она не спит, — Айгерим подошла вплотную. Так близко, что он почувствовал дурманящий сладковатый запах ее волос. — Просто река смыла внешнюю оболочку. Печать внутри костей. Она меняет твою кровь. Еще пара дней, и твои друзья в палатке найдут только горстку праха, который умеет месить глину.

В этот момент из-за поворота вылетели трое конных лучников городской стражи. Копыта их низкорослых лошадей выбивали искры из камней. Офицер в медном шлеме поднял руку:

— Стоять! Проверка подорожных! Руки покажите!

Айгерим среагировала первой. Она резко толкнула Хасана плечом, отправляя его лицом прямо в кучу свежего лошадиного навоза.

— Больная чумой! — истошно завизжала она, хватаясь за живот и сгибаясь пополам. — Моровая язва! Откройте рты, почтенные, сейчас кровью пойдет!

Стражники, испугавшиеся черной смерти больше, чем беглецов, дали шпоры своим коням. Один из них едва не затоптал Хасана копытами, шарахаясь в сторону от «прокаженной».

Когда топот стих, Алексей выплюнул песок и куски помета. Айгерим уже стояла рядом, протягивая ему руку.

— Вставай. Время разговоров кончилось. К северу отсюда, в трех фарсах, стоит кочевье рода Кипчак-Кыпшак. Белые юрты старого Ногай. Его люди не подчиняются хану напрямую, торгуют солью и краденым оружием. Если мы дойдем туда живыми, нас укроют.

— А если не дойдем? — прохрипел Хасан, вставая. Во рту стоял привкус желчи и дерьма.

— Тогда Омар соберет наши кости сегодня вечером, — пожала плечами Айгерим. — Шевелись. И иди за мной шаг в шаг. В этой части степи почва проваливается. Прошлой весной тут целый караван ушел под землю вместе с верблюдами.

Они двинулись вдоль северной стены. Город остался позади — чудовищный золотой паук, греющийся на солнце посреди сухой равнины. Впереди расстиралась лишь выжженная трава, дрожащее марево над горизонтом и узкая тропа, ведущая в неизвестность.

Хасан обернулся лишь однажды. Башни Гюлистана сияли такой чистотой и мощью, что казались вечными. Но он знал правду: всё это превратится в ту самую пыль, которую он утром мят ногами, всего через несколько столетий. И мысль эта почему-то принесла странное, горькое утешение.

Солнце висело над левым плечом, медленно сползая к западу. Степь дышала жаром, как печь для обжига. Хасан шагал за Айгерим уже третий час. Ноги, привыкшие к твердому полу мастерской или паркету университетских коридоров, превратились в два комка пульсирующей боли. Девушка же двигалась с неумолимостью волчицы — легкой скользящей походкой, почти не поднимая пыли.

Они шли по высохшему руслу ручья, где земля трескалась причудливыми многоугольниками. Хасан пытался дышать ровно, но каждый вдох царапал легкие сухим песком.

— Ты сказал «Омар», когда падал в грязь у стены, — внезапно нарушила молчание Айгерим, не оборачиваясь. — До того, как увидел его коня. Откуда ты знаешь это имя?

Хасан помедлил. Рассказывать о бронзовой фигурке и видении на стене казалось безумием даже здесь, посреди четырнадцатого века.

— Я нашел ее... там, дома. В земле. Она была теплой.

— Она всегда теплая, — кивнула Айгерим. — Бронза пьет тепло живых, чтобы помнить форму своего создателя. Но скажи мне главное: что ты почувствовал, когда он посмотрел на тебя? Страх смерти или страх *небытия*?

Этот вопрос ударил точнее ножа. Алексей-студент назвал бы это экзистенциальным ужасом. Гончар Хасан просто чувствовал, что под взглядом Карауль-Омара почва уходит из-под ног не физически, а метафизически.

— Кто он такой? — хрипло спросил Хасан. — Стражник говорил, что после взгляда Омара люди рвут на себе одежду.

Айгерим остановилась так резко, что Хасан едва не налетел на нее. Она обернулась. Сажа на ее лице немного стерлась от пота, обнажив тонкую, светлую кожу. Глаза цвета льда смотрели прямо в душу.

— Они боятся его больше Джанибека, потому что хан может только забрать твою жизнь, — тихо сказала она. — А Омар забирает то, зачем эта жизнь вообще нужна. Он Пожиратель Имени.

Она присела на корточки, чертя пальцем на пыльной земле символ — круг, перечеркнутый двумя линиями.

— Когда Темучжин объединил племена, ему нужны были те, кто охраняет границы миров. Не крепости, а саму ткань реальности. Хан Узбек создал Карауль-Омаров из проклятых шаманов. Их лишили собственных имен еще детьми, выжгли знаки рода каленым железом. Взамен им дали бронзу.

Айгерим коснулась своей шеи, туда, где ключица сходилась с плечом.

— Эта надпись... «*Мир тебе, Омар*». Все читают её неправильно. Это не приветствие. Это **запрет**. Древняя формула запечатывания. Первое слово останавливает дыхание врага. Второе — привязывает сущность к месту. Но самое важное — последнее. То, чего нет на музейной копии из Ростова.

Она подняла взгляд на Хасана.

— «*Да не оставит тебя тень моего седла*». Люди думают, что речь о защите. Что всадник будет прикрывать спину хозяина. Нет, гончар. Это клеймо собственности. *Тень седла* — это область абсолютного мрака, которую отбрасывает конь-призрак. Если ты попал в эту тень, твой дух отделяется от тела. Омар не убивает плоть. Он сажает твою душу позади себя, на круп коня, и увозит в Серую Равнину. Там, между мирами, души становятся пылью, которой он кормит свое животное. А пустые, послушные тела остаются здесь. Как тот бедолага-охранник

Дима, превратившийся в сухую мумию. Или как профессор Воронцов, чье золото теперь растет сквозь мясо. Золото — это лишь побочный продукт гниения личности.

Земля под ногами слегка дрогнула. Хасан пошатнулся. Он почему-то даже не удивился, откуда Айгерим знает про Ростов и Воронцова. Образ золотой сетки, прорастающей сквозь ребра профессора, встал перед глазами во всей тошнотворной ясности.

— Значит, мы мертвы? Мы просто оболочки? — голос Алексея сорвался.

— Мертва Лена, которая осталась в палатке, если вы бросили её одну, — жестко ответила Айгерим. — Вы с ней — трещины в сосуде. Омар чувствует эти трещины, как вода чувствует щель в коже бурдюка. Он пришел за вами не потому, что вы украли статуэтку. Он пришел, потому что ваше появление здесь разорвало швы времени. Вы чужеродный элемент. Чтобы залатать дыру, нужно либо убрать элемент, либо расширить дыру до размеров вселенной. Омар предпочитает первый вариант.

Она встряхнула кистями рук, разминая пальцы.

— Поэтому нам нельзя идти через ворота. Стража смотрит на лица. А лицо человека, чья душа наполовину съедена, выглядит как свежеспаханное поле — рыхлое, бледное, пугающее. Нас узнают по осанке. Кипчаки Ногай смотрят на руки и на лошадей. Если мы будем двигаться правильно, они примут нас за своих беглецов.

К закату воздух стал лиловым. На горизонте показались первые юрты кочевья. Черные шерстяные купола казались спящими чудовищами на фоне кровавого солнца. Воздух наполнился запахом кумыса и горящего кизяка.

Айгерим замедлила шаг, скинула капюшон лохмотьев и провела руками по лицу. Кожа снова приобрела золотистый оттенок степнячки, глаза сузились, меняя разрез. Трансформация заняла секунду.

— Запомни, — прошипела она, поворачиваясь к Хасану. — Тебя зовут Хасан. Ты мой двоюродный брат. Наш отец проиграл этих коней в кости месяц назад и сбежал. Мы ведем их обратно, чтобы продать Ногаю.

Только сейчас Хасан заметил, что всё это время они вели в поводу двух лошадей. Потных, тяжело дышащих саврасых жеребцов, которых он в своем полубреду считал частью галлюцинации. Животные фыркали и испуганно косили глазом на него.

— Почему они боятся меня? — спросил Хасан, протягивая руку к шее ближайшего коня.

— Потому что печать внутри тебя пахнет для них волком, — ответила Айгерим, легко взлетая в седло своего коня без помощи стремян. — Животные честнее людей. Садись. Если свалишься, я не вернусь. Седлай крепко. Впереди лагерь. И молись своим забытым богам, чтобы старый Ногай был в хорошем настроении и любил интересные истории.

Они шагом въехали в кочевье. Навстречу тут же высыпали собаки, захлебываясь лаем. Появились вооруженные мужчины — крепкие, скуластые, в стеганых халатах. Луки в их руках лежали небрежно, но стрелы уже наложены на тетиву.

Айгерим гортанно выкрикнула приветствие на кипчакском, называя имена давно умерших предков. Мужчины опустили оружие, узнав диалект Восточного крыла. Из самой большой белой юрты вышел старик. Его лицо было похоже на выдубленную козью шкуру, а борода спускалась до пояса. Вместо левой руки у него торчал отполированный временем кусок берцовой кости — протез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.